

ГЕРМАНО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1939 ГОДУ

А. С. Гроссман

1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу. Началась вторая мировая война. Союзник Германии — фашистская Италия в соответствии с германо-итальянским договором от 22 мая 1939 г. обязана была выступить на стороне Германии, ибо статья 3-я договора гласила: если одна из сторон «будет втянута в военный конфликт с одной или с многими державами», то другая сторона «выступит сейчас же в качестве союзника для того, чтобы оказать помощь всеми своими военными силами — сухопутными, морскими и воздушными»¹. Но Италия, как известно, на первом этапе войны не принимала в ней прямого участия. И только накануне поражения Франции, в июне 1940 г., правящие круги Италии решили объявить войну Англии и Франции, рассчитывая осуществить свои обширные захватнические планы. В основе германо-итальянских отношений накануне и в период войны лежали определенные политические, экономические и идеологические мотивы, исследование которых позволяет вскрыть подлинный характер взаимоотношений европейских держав «оси».

О международных отношениях и внешней политике отдельных государств, в том числе гитлеровской Германии и фашистской Италии, накануне и во время второй мировой войны написано немало работ советскими и зарубежными авторами². Однако до сих пор в советской

¹ «Dokumente der Deutschen Politik». Bd. VII. Teil I. B. 1942, dok. 13; «Dokumente der Deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart» (далее «Dokumente»). Bd. V. Berlin — München. 1952, S. 60.

² Здесь прежде всего нужно указать на такие крупные коллективные труды, как «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Тт. 1—6. М. 1960—1965; «Всемирная история». Т. 10. М. 1965; «История дипломатии». Т. 3. М. 1965; «История международных отношений и внешней политики СССР». Т. I (1917—1939), т. 2 (1939—1945). М. 1961, 1962; см. также W. Ulbricht. Der faschistische deutsche Imperialismus. В. 1952; М. Эрколи. Италия в войне против гитлеровской Германии. М. 1944; Марчелла и Маурицио Феррара. Очерки итальянской политической жизни. 1943—1958. М. 1961; С. М. Слободской. Итальянский фашизм и его крах. М. 1945; Р. А. Авербух. Италия в первой и второй мировых войнах. М.—Л. 1946; С. Вишне в. Военная экономика фашистской Италии. М. 1946; Г. Л. Розанов. Германия под властью фашизма (1933—1939 гг.). М. 1964; В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе, 1933—1939 гг. М. 1963; В. Б. Ушаков. Внешняя политика гитлеровской Германии. М. 1961; L. Salvatorelli, G. Mira. Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino. 1961; «Ciano Diaries, 1939—1943». N. Y. 1946; «Ciano's Diplomatic Papers». L. 1948; E. Wiskemann. The Rome-Berlin Axis. L. 1949; F. W. Deakin. The Brutal Friendship. Mussolini, Hitler and the Fall of Italian Fascism. L. 1962; L. Villari. Italian Foreign Policy under Mussolini. N. Y. 1956; Ch. Delzell. Mussolini's Enemies. Princeton. 1961; Mac Gregor-Hastie. The Day of the Lion. The Rise and Fall of Fascist Italy (1922—1945). N. Y. 1964; W. Shiner. The Rise and Fall of the Third Reich. N. Y. 1962; I. v. Ribbentrop. Zwischen London und Moskau. Sternberger See. 1954; E. v. Weizsäcker. Erinnerungen. München-Tübingen. 1950; E. v. Rintelen. Mussolini als Bundesgenosse. Stuttgart. 1951; R. Rahn. Ruheloses Leben. Düsseldorf. 1949; M. Donosti. Mussolini e l'Europa. La politica Estera Fascista. Roma. 1945; M. Magistrati. L'Italia a Berlino, 1937—1939. Milan. 1956; P. Badoglio. L'Italie dans la guerre mondiale. P. 1946. Из советских документальных публикаций наи-

исторической литературе недостаточно исследован вопрос о германо-итальянских отношениях кануна войны. Между тем на Западе этому сюжету посвящено большое количество работ. Буржуазная версия, согласно которой германо-итальянские отношения предвоенного и военного времени (вплоть до 1943 г.) были «дружественными» и лишь после падения режима Муссолини, после «измены» итальянского союзника стали враждебными, не соответствует действительности. В данной статье, посвященной германо-итальянским отношениям в последние месяцы перед нападением гитлеровской Германии на Польшу, сделана попытка показать, что эти отношения характеризовались не только консолидацией блока двух европейских агрессоров, но и в значительной мере ростом и обострением империалистических противоречий между ними, ослаблявших «ось» Берлин—Рим и сыгравших важную роль в событиях заключительного периода второй мировой войны. Это были отношения двух империалистических хищников, которые в силу определенных внешнеполитических и внутренних обстоятельств оказались в одном агрессивном блоке. Но это не устраняло борьбы между ними, то затухавшей, то вновь резко усиливавшейся.

В октябре 1935 г. фашистская Италия напала на Эфиопию и оккупировала ее. Под давлением мирового общественного мнения Лига Наций вынуждена была применить экономические и финансовые санкции к агрессору. В этот момент на помощь Италии, оказавшейся в политической и экономической изоляции, пришла Германия. Итальянская интервенция против Эфиопии явилась поворотным пунктом в германо-итальянских отношениях. Именно с этого времени Италия начала проводить внешнеполитический курс, в результате которого она стала союзницей и вассалом Германии. Сложившаяся в 30-х годах обстановка в Европе благоприятствовала осуществлению захватнических планов итальянского фашизма. Гитлер стремился к сближению с Италией и был не прочь заплатить за это Эфиопией, тем более, что он был заинтересован в отвлечении внимания Италии от Юго-Восточной Европы, где сталкивались итало-германские интересы. В июле 1936 г. Германия и Италия начали еще более объединившую итало-германских агрессоров совместную интервенцию против республиканской Испании и при активной поддержке империалистов западных держав помогли Франко задушить демократическую республику и установить в стране фашистскую диктатуру. В октябре 1936 г. Германия и Италия сделали решающий шаг на пути к войне: они заключили военно-политическое соглашение о совместной внешней политике, о разграничении сфер влияния на Балканах и в бассейне Дуная. Германия избрала путь агрессии в Центральную и Восточную Европу, а Италия — в район Средиземного моря. Италия соглашалась, таким образом, на захват Австрии Германией. Вскоре после подписания итало-германского соглашения Муссолини, выступая 1 ноября 1936 г. в Милане на Пьяццо дель Дуомо, заявил, что начинается «новая эпоха» в истории Европы — эпоха возрастающего влияния Италии и Германии. Линия, соединяющая Рим и Берлин, продолжал он, «является не барьером, а осью»³ (с этого времени итало-германский блок полу-

более важными являются: «Внешняя политика СССР. Сборник документов». Тт. 1—4. М. 1944—1947; «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками». Сборник материалов в семи томах. М. 1957—1961; «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Тт. 1—2. М. 1948; «Документы министерства иностранных дел Германии». Вып. 1—3. М. 1946. Из зарубежных документальных публикаций заслуживают внимания «Документы германской внешней политики» серии «D», относящиеся к кануну и периоду второй мировой войны «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945. Serie «D» (1937—1945)» (далее ADAP). Bd. VI—X. Baden-Baden. 1949—1954, а также итальянские документы «I Documenti Diplomatici Italiani» (далее DDI). Ser. VIII (1935—1939). Vol. XII—XIII; Ser. IX. (1939—1943). Vol. I. Roma. 1957.

³ «Dokumente». Bd. IV, S. 306—309; «Völkischer Beobachter», Süddeutsche Ausgabe, 26.X.1936.

чил название «ось» Берлин — Рим). В ноябре 1936 г. был заключен германо-японский военно-политический союз (так называемый антикоминтерновский пакт), к которому через год присоединилась Италия. Так был создан блок агрессивных государств — Германии, Италии и Японии. Подготавливая агрессию против Австрии, германское правительство усилило нажим на Италию и вынудило последнюю отказаться от своих притязаний на Австрию. 12 марта 1938 г. германские войска вступили в Австрию, которая была объявлена провинцией рейха. В результате аншлюса экономические и политические позиции Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе значительно укрепились. Одновременно был нанесен удар по планам итальянской экспансии в Дунайском бассейне и на Балканах и создана непосредственная угроза безопасности и независимости Италии, которая могла в любой момент стать жертвой гитлеровской агрессии (после аншлюса образовалась общая германо-итальянская граница, которая стала проходить по Бреннеру). Так Италия еще до начала второй мировой войны фактически призвала военнополитическое превосходство Германии и превратилась в орудие германского империализма. Американские историки Хайнес и Хофман отмечают, что аншлюс значительно усилил стратегические позиции Германии и, кроме того, «поставил Италию в зависимость от Германии, самостоятельность действий Муссолини испарилась, он стал всецело зависим от Гитлера»⁴. После Австрии наступила очередь следующей из намеченных германскими империалистами жертв агрессии — Чехословакии. Гитлер вновь и вновь убеждал мир, что Германия не одинока, что на ее стороне Италия⁵. На самом же деле Италия и не собиравалась в случае столкновения Германии с западными державами из-за Чехословакии вмешиваться в конфликт; она только не хотела упустить своих возможностей и дать Германии одной извлечь выгоды из сложившейся ситуации. В этой обстановке 29—30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялись встречи Гитлера, Чемберлена, Далада и Муссолини. Решения мюнхенской конференции положили начало расчленению независимого чехословацкого государства и в конечном счете его поглощению фашистской Германией.

Конец 1938 — начало 1939 г. ознаменовались дальнейшей всесторонней подготовкой гитлеровской Германии и фашистской Италии к мировой войне. Война должна была, по мысли правителей этих стран, избавить Германию и Италию от растущих внутренних и внешнеполитических трудностей. Мировой экономический кризис 1937—1939 гг., как известно, еще более обострил международную обстановку и ускорил начало второй мировой войны. Особенность кризиса состояла в том, что он прежде всего поразил США, Англию и Францию. Германии, Италии и Японии, экономика которых была перестроена на военный лад, удалось избежать экономического потрясения. Перед войной фашистская Германия, получавшая обильные иностранные займы и кредиты, стала одним из наиболее сильных государств в капиталистическом мире. По объему промышленного производства она к 1938 г. заняла второе место после США. В 1939 г. Германия выплавляла 17,5 млн. т чугуна, 22,5 млн. т стали, добывала 251,6 млн. т каменного угля, что составляло соответственно 22%, 24% и 17% от цифр общемирового масштаба⁶. Добываясь передела мира и сфер влияния, германские империалисты теснили своих конкурентов на мировых рынках, стремились захватить основные экономические позиции в Европе и в колониях. Экономическая

⁴ G. Haines, R. Hoffman. The Origins and Background of the Second World War. Oxford University Press. 1943, p. 428.

⁵ «Dokumente». Bd. IV, S. 461—466.

⁶ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Т. 1, стр. 160; П. А. Ж и л и н. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. М. 1965, стр. 16.

экспансия германских монополий сопровождалась усиленной милитаризацией страны. Военная промышленность Германии работала на полную мощность и испытывала острый недостаток в нефти, железной руде, свинце, никеле, вольфраме и других сырьевых ресурсах (из 28 основных видов сырья, необходимого для войны, страна располагала лишь 7).⁷ Задача, стоявшая перед гитлеровцами, состояла в том, чтобы расширить собственную сырьевую базу. В целом военное производство Германии с 1934 по 1940 г. увеличилось в 22 раза. Быстро росли и вооруженные силы страны. С 1932 по 1939 г. количество германских дивизий увеличилось более чем в 10 раз и достигло 103. Общие расходы на военные нужды с 1933 по 1939 г. составили колоссальную сумму — 90 млрд. марок⁸. «Расходы на военные и прочие государственные нужды к 1939 г. — пишет Б. Мюллер-Гиллебранд, — пришли в такое несоответствие с излишками гражданского хозяйства, что военная экономика должна была вестись за счет выпуска новых денег, вследствие чего финансовая, а с ней и экономическая катастрофа становилась совершенно неизбежной. Создалось такое положение, из которого только «прыжок в войну» мог считаться единственным спасением...»⁹.

К началу 1939 г. возникли серьезные затруднения в германо-итальянских экономических отношениях, связанные с тем, что в условиях активной военно-экономической подготовки к войне Германия усилила свое экономическое проникновение в Италию, сопровождавшееся дальнейшим экономическим и политическим подчинением итальянского партнера по «оси» более сильным германским империализмом. В предвоенные годы доля Германии в итальянском импорте увеличилась почти вдвое, а доля Англии, Франции и США резко упала. Существенно отражалось на итальянской экономике почти полное отсутствие в стране ряда видов сырья (Италия импортировала 80% угля, 95% нефти, 60% железа и стали, 99% хлопка и меди, а также никель, олово, каучук)¹⁰. Запасы стратегического сырья были исчерпаны еще во время войны в Эфиопии и Испании. Поэтому Германия начала поставлять в Италию уголь и некоторые другие виды сырья и топлива, а также военные материалы. Немецкие монополии фактически установили свой контроль над итальянской экономикой. В декабре 1938 и январе 1939 г. состоялся ряд встреч германских и итальянских представителей, обсуждавших состояние германо-итальянских экономических отношений, прежде всего исходя из перспективы возникновения войны; был заключен ряд официальных и секретных торговых соглашений, в результате которых экономические и политические позиции Германии в Италии еще более усилились¹¹, а германо-итальянские экономические и политические отношения значительно обострились, так как Германия при каждом удобном случае стремилась использовать экономическую слабость Италии (особенно постоянную нехватку средств на оплату германских поставок), надеясь вовлечь ее в агрессивную войну на своей стороне еще до завершения перевооружения итальянской армии.

Конкретными целями гитлеровской Германии в войне были следующие: разгром и порабощение Советского Союза; ликвидация государственной самостоятельности и национальной независимости всех без исключения европейских государств; истребление ряда народов; установление гегемонии в Европе и неограниченной власти над миром «народа господ» — немцев; захват колоний Англии и Франции в Азии и

⁷ П. А. Белов. Вопросы экономики в современной войне. М. 1951, стр. 121.

⁸ «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.». М. 1956, стр. 23, 31, 33; П. А. Жилин. Указ. соч., стр. 20—21.

⁹ Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. Т. I. М. 1956, стр. 162.

¹⁰ С. Вишне в. Указ. соч., стр. 16—18.

¹¹ См. ADAP. Bd. IV. S. 452, 482—483, 504—505.

Африке; захват американского континента, включая США¹². Готовясь к войне с Советским Союзом и западными державами, германские империалисты важное значение придавали созданию блока реакционных государств, еще большему укреплению уже сложившегося союза фашистских стран — Германии, Италии и Японии. В свою очередь, Япония и Италия для реализации своей захватнической программы также нуждались в поддержке такого мощного империалистического хищника, каким являлась Германия. Шаг за шагом Германия вовлекала в агрессивный блок и в подготовку к войне Румынию, Венгрию и Финляндию. 27 марта 1939 г. к «антикоминтерновскому пакту» присоединилась франкистская Испания, с которой 31 марта Германия заключила «договор о дружбе»¹³.

Перед второй мировой войной империалистическая Италия уже успела совершить целый ряд агрессивных актов и вместе с гитлеровской Германией образовала очаг войны и международной напряженности в Европе. Итальянский империализм перед войной имел свою программу агрессии, осуществление которой, по мысли итальянских фашистов, должно было выдвинуть Италию в число «величайших» держав мира. Италия хотела в ходе войны захватить французские провинции Ниццу, Савойю и Корсику, разделить совместно с Германией Балканы и оккупировать Албанию, Югославию, Грецию, Кипр, Мальту, Гибралтар, Суэцкий канал, превратить Средиземное море в «итальянское озеро», захватить французские владения в Северной Африке, Египет и английские колонии в этом районе¹⁴.

Приготовления к войне потребовали от итальянского империализма чрезвычайных мер (принудительные займы, рост налогов, сокращение импорта продовольствия и сырья для невоенной промышленности и т. п.). Но даже с их помощью нельзя было улучшить военно-экономическое состояние Италии: вооружение итальянской армии, по отзывам военных специалистов, было пестрое и плохое, а материальное снабжение солдат — крайне неудовлетворительное. Во время войны с Эфиопией и особенно во время интервенции в Испании проявились серьезные признаки слабости тыла и армии. Поражение итальянских интервентов под Гвадалахарой еще более выявило невысокий моральный дух итальянской армии, оказало деморализующее влияние на ее солдат и офицеров. Франко заявил, что дивизии, присланные Муссолини, представляют «весьма небольшую ценность и малоэффективны»¹⁵. Но, несмотря на это, фашистская пропаганда разжигала воинственные настроения среди населения, внушала ему иллюзии о возросшей военно-экономической мощи Италии, о возможности улучшить положение итальянцев при помощи колониальных захватов и вызвала известный рост шовинизма и вражды к более богатым, «плутократическим» нациям западных стран, якобы виновным в обнищании фашистской Италии¹⁶. Вместе с тем она на все лады воспевала общность итало-германских интересов, военную мощь обеих держав и сулила успех итальянскому и германскому оружию в случае войны. Пропагандистский аппарат итальянских фашистов внушал, что итальянцы имеют полное право на покорение и истребление других народов, так как обладают расовым и культурным превосходством и необходимым историческим прошлым. Главная миссия государства, утверждал Муссолини, — выполнение «национальных» задач, то есть борьба за империю, за господство над другими народами. «История говорит нам, — заявил дуче 26 мая 1934 г. в палате депутатов, — что

¹² См. В. М. Хвостов, А. М. Некрич. Как возникла вторая мировая война. М. 1959, стр. 31.

¹³ ADAP. Bd. III, S. 752.

¹⁴ См. В. М. Хвостов, А. М. Некрич. Указ. соч., стр. 31.

¹⁵ См. Р. Батталья. История итальянского движения Сопротивления. М. 1954, стр. 30—31.

¹⁶ См. П. Тольятти. Избранные статьи и речи. Т. I (1923 год — октябрь 1956 года). М. 1965, стр. 219.

война — явление, сопутствующее развитию человечества... Война для мужчины то же, что материнство для женщины»¹⁷.

Надвигавшийся экономический и политический кризис все сильнее толкал правителей Италии на путь войны. Перевод экономики на военные рельсы, искусственно созданная военно-автаркическая индустрия — все это не могло соответствовать условиям мирного времени. В конце 1938 г. руководитель миланских фашистов Паренти признался своим друзьям: «Положение в Италии стало невыносимым... Народ изголодался. Война против Испании непопулярна. Правительство едва в состоянии совладать с нарастающим недовольством. Мы глубоко завязли в Испании и Абиссинии, а наше экономическое положение стало катастрофическим. По-моему, нас ждет либо война, либо восстание. Но в случае войны можем ли мы положиться на массы? Вот вопрос, который тревожит многих из нас»¹⁸. Именно слабость итальянского фашизма являлась тем фактором, который определял союз Муссолини с Гитлером, идеологом «блицкрига». Планируя вступление Италии в войну, Муссолини больше всего рассчитывал на ее «молниеносный» характер. Италия должна была оказаться в роли «победителя», прежде чем успела бы обнаружиться ее слабость.

Правящие круги Германии и Италии постоянно старались создать впечатление, что союз их — это союз двух стран, которых ничто не разделяет и «дружба» которых является залогом успешного выполнения их исторической миссии — любым путем добиться «соответствующего» места в мире для обоих государств и их народов. В публичных выступлениях, в беседах с иностранными дипломатами и государственными деятелями, в официальной печати Германии и Италии широко пропагандировались эти «дружественные» отношения двух стран. И даже в кругу своих приближенных Гитлер старался поддерживать миф об этой «дружбе», расхваливая Муссолини. «Когда я читаю историю фашизма,— утверждал он,— я чувствую себя так, как будто я читаю историю нашего движения... Я чувствую глубокую дружбу к этому исключительному человеку»¹⁹. Больших успехов, говорил Гитлер в январе 1939 г. министру иностранных дел Венгрии графу Чаки, можно добиться лишь путем взаимного согласования действий. Каждая сторона имеет свои собственные интересы. Германия достаточно разумна и, придерживаясь широких взглядов, готова предоставить каждому свою долю. А если дело дойдет до войны, то Муссолини, подчеркивал Гитлер, будет фанатично его, Гитлера, поддерживать. «Плечом к плечу» — вот каким должен быть лозунг будущего. «Когда я говорю о Германии,— продолжал Гитлер,— то, естественно, имею в виду и Италию, а если я говорю о самом себе, то подразумеваю и Муссолини. Это понимает весь мир»²⁰. 30 января Гитлер заявил в рейхстаге, что Германия поддерживает итальянские претензии к Франции и в случае войны выступит на стороне Италии²¹. Когда это отвечало интересам Германии, особенно для нажима на Англию, гитлеровцы готовы были пошуметь «о монолитности германо-итальянской дружбы» и «сердечных встречах» Гитлера с Муссолини. Но Германия и Италия, несмотря на то, что они являлись союзниками, каждая в отдельности мечтала об осуществлении своих собственных экспансионистских планов, которые зачастую не только не совпадали, но и шли вразрез с интересами каждого из союзников. Империалистические противоречия с самого начала создания «оси» Берлин — Рим раздирали этот агрессивный блок и ослабляли его. Как заявил однажды Гитлер в узком кругу лиц, в Европе должна существо-

¹⁷ Цит. по: С. М. Слободской. Указ. соч., стр. 91; см. также стр. 73, 79.

¹⁸ См. там же, стр. 183.

¹⁹ A. Hitler. Table Talk (1941—1944). L. 1953, p. 614.

²⁰ См. «Венгрия и вторая мировая война». М. 1962, стр. 152—154.

²¹ «Dokumente». Bd. V, S. 8—9.

вать только одна великая держава — Германия, которая, если понадобится, использует Италию для своих целей, но никогда не допустит, чтобы Италия делила с ней «право» на колониальное обладание Европой²².

Важное значение для понимания характера германо-итальянских отношений накануне второй мировой войны имеет факт подчиненного положения Италии в этом союзе. Главенствующее положение германских империалистов в «оси» Берлин — Рим определялось в первую очередь тем, что Германия по отношению к Италии обладала значительным военно-экономическим превосходством. Вот что показывает сравнение вооруженных сил Германии и Италии летом 1939 г.: количество дивизий — Германия — 103, Италия — 65; самолеты первой линии — соответственно 4 700 и 3 000; танки — 8 300 и 100; тяжелые орудия — 4 000 и 350²³. Как пишет германский военный атташе в Риме в 1936—1943 гг. Ринтелен, итальянская армия перед второй мировой войной насчитывала 18 тыс. офицеров, 22,5 тыс. унтер-офицеров и приблизительно 300—450 тыс. солдат. Артиллерия была устарелой, создание танков только началось. Что касается военной промышленности, то ее даже сравнивать нельзя было с германской²⁴. Гитлер, конечно, знал о недостаточной военной подготовленности Италии. Весной 1939 г. германский генеральный штаб составил обстоятельный документ о «пределах возможностей итальянской империи в войне», в котором была показана полная неподготовленность итальянцев к войне. Гитлер, которому был представлен этот документ, приказал немедленно изъять его из всех штабов, считая, что недопустимо подрывать доверие к партнеру по «оси» и будущему военному союзнику²⁵.

Итальянских агрессоров в начале 1939 г. крайне тревожил тот факт, что германские империалисты, по-видимому, решили начать войну в самое ближайшее время, считая момент вполне благоприятным для осуществления своих планов. Империалисты же Италии считали, что необходим еще какой-то срок, в пределах двух-трех лет, который позволил бы Италии всесторонне подготовиться к победоносной для держав «оси» войне — европейской, а если необходимо — и мировой. Особенно беспокоило итальянские правящие круги то, что Гитлер не ставил их в известность о целях и планах Германии, более того, сознательно дезинформировал дуче. Гитлеровцы неоднократно в течение всего 1939 г. заверяли итальянское правительство, что войны они не хотят. Захват Чехословакии в марте 1939 г. еще раз показал, что гитлеровцы даже союзников предпочитали до последнего момента не посвящать в свои планы. Гитлеровское руководство и германское верховное командование вооруженных сил уже к началу 1939 г. имели детально разработанный план агрессии против Чехословакии и ждали лишь удобного момента для его осуществления. В ноябре 1939 г., уже после начала второй мировой войны, Гитлер сделал следующее признание на одном из военных совещаний: «Для меня с самого первого момента было ясно, что я не могу удовлетвориться территорией одной только Судетской области. Это было лишь частичное решение. Было принято решение двинуться в Богемию»²⁶. Но Муссолини узнал о германском вторжении в Чехословакию лишь за несколько часов до его начала, когда получил 15 марта послание, в котором Гитлер уведомлял его, что намерен осуществить агрессию в отношении этой страны. Гитлер сообщал, что в основе его шага лежит

²² См. П. Тольятти. Избранные статьи и речи. Т. I, стр. 237.

²³ См. «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М. 1953, стр. 378; П. А. Жилин. Указ. соч., стр. 38.

²⁴ E. v. Rintelen. Op. cit., S. 54, 62, 66.

²⁵ См. К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М. 1956, стр. 96; E. v. Rintelen. Op. cit., S. 55.

²⁶ «Нюрнбергский процесс». Т. 2, стр. 318.

антинемецкая политика чехов, которые не хотят демобилизовать свою армию, продолжают поддерживать контакты с Россией и жестоко обращаются с судетскими немцами. «Такие объяснения,— записал Чиано в дневнике,— может быть, хороши для геббельсовской пропаганды, но они не годятся для объяснений с нами»²⁷. Решение Гитлера (как случалось постоянно) явилось полной неожиданностью для Муссолини. Он был растерян и подавлен. «Итальянцы смеются надо мной,— удрученно признавался он Чиано в тот же день, 15 марта.— Каждый раз, когда Гитлер захватывает страну, он шлет мне послание»²⁸.

Захват Германией Чехословакии, а затем Клайпеды (22 марта) чрезвычайно встревожил правящую клику фашистской Италии. В то время как гитлеровцы совершали акты агрессии в Европе один за другим, Италия, по мнению ее правителей, все еще оставалась в роли стороннего наблюдателя. Муссолини был особенно встревожен тем, что союзник вытеснял Италию из ее традиционных сфер влияния. 15 марта Муссолини обсуждал с Чиано послание Гитлера и сложившуюся ситуацию. Было решено начать подготовку к нападению Италии на Албанию, причем, заявил Чиано, он уверен, что «в данный момент мы не встретим ни локальных помех, ни серьезных международных осложнений во время нашего выступления». «Я убежден,— записал Чиано в дневнике,— что наше вторжение в Албанию значительно поднимет моральное состояние страны, принесет значительную пользу оси, после чего мы сможем пересмотреть нашу политику в отношении Германии, гегемония которой начинает приобретать тревожную форму»²⁹. Для начала необходимо было прозондировать почву в Германии. 20 марта итальянский посол в Берлине Аттолико в беседе с Гитлером, имея в виду территориальную компенсацию, заявил, что, по его мнению (которое, конечно, выражало мнение итальянского правительства), Италия тоже должна кое-что получить. В тот же день Риббентроп направил Чиано письмо, в котором писал, что южные границы рейха окончательные и что Германия по-прежнему считает Средиземное море сферой интересов Италии³⁰. И тогда Муссолини решил действовать. 7 апреля Италия напала на Албанию, и через неделю было объявлено о включении территории этой страны в состав итальянского королевства. Гитлеровцы, начавшие к этому времени активную подготовку к нападению на следующую жертву — Польшу, выразили полное одобрение в связи с итальянской агрессией³¹. С захватом Албании Италия получила исключительно важный стратегический плацдарм для дальнейшего наступления на Балканы — на Грецию и Югославию. Кроме того, обладание Албанией, подчеркнул Чиано, уравновешивало на Балканах «неизмеримо выросшее там в результате аншлюса давление рейха»³².

Стремясь сохранить и укрепить политический союз с Италией и подготовить заключение военного германо-итальянского пакта, гитлеровцы формально согласились до поры до времени разграничить сферы экспансии с итальянскими империалистами. 21 марта Германия сделала торжественное заявление о «признании итальянских исключительных прав на Средиземное море, на Адриатику и на прилегающие районы». Но одновременно немецкие империалисты продолжали активизироваться в

²⁷ «Ciano Diaries, 1939—1943», pp. 42—44.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid., pp. 42—44.

³⁰ ADAP. Bd. VI, S. 46, 48.

³¹ См. M. Donosti. Op. cit., pp. 156—174; E. v. Rintelen. Op. cit., S. 59. Весьма показательны, что во время встречи германских и итальянских военных руководителей в Инсбруке 5—6 апреля 1939 г. глава итальянской делегации генерал Париани во время своих бесед с Кейтелем ни одним словом не обмолвился о запланированной на 7 апреля итальянской акции против Албании. E. v. Rintelen. Op. cit., S. 60.

³² Цит. по: И. Н. Бочаров. Итало-фашистская дипломатия и мюнхенский договор. «Новая и новейшая история», 1962, № 1, стр. 75.

этих «уступленных» ими Италии зонах. Больше того, итальянская разведка вскоре установила, что гитлеровское правительство планирует присоединение к Германии не только земель Юго-Восточной Европы, но и «всей Ломбардской равнины»³³. Риббентропу пришлось «объясняться» с итальянцами и клясться, что его правительство будто бы отказалось от подобных намерений. Германские империалисты все более наглыми и все более активно готовились к европейской войне. Но Гитлер продолжал держать Италию в неведении относительно подлинных планов германских монополий. Достаточно определенно этот вывод подтверждают переговоры Геринга и Риббентропа с итальянскими правителями в апреле и мае 1939 года. Когда 15—16 апреля Геринг находился в Риме, он в беседах с Муссолини и Чиано обсудил многие проблемы германо-итальянских отношений, в том числе, естественно, вопрос вероятности европейского конфликта. Стараясь успокоить итальянское правительство, встревоженное перспективой, с его точки зрения, преждевременного развязывания гитлеровцами войны, Геринг лицемерно заверил своих собеседников, что Германия в текущем году не собирается предпринимать какой-либо крупной акции в Европе³⁴. О намерении Германии напасть на Польшу Геринг также ничего не сообщил Муссолини и Чиано. Однако итальянцы поняли, что гитлеровцы полны решимости осуществить агрессию. «Дважды беседовал с Герингом... — записал Чиано в дневнике. — Больше всего меня во время этих переговоров поразил тон, которым он охарактеризовал отношения с Польшей; он мне чрезвычайно напомнил тот стиль, который употреблялся в свое время по отношению к Австрии и Чехословакии. Но немцы заблуждаются, если думают, что они и теперь могут действовать аналогичным образом. Польша, конечно, будет захвачена, но поляки не сложат оружия без ожесточенной борьбы»³⁵.

Готовя нападение на Польшу (11 апреля 1939 г. Гитлер утвердил «План Вейсс» — план агрессии против Польши), гитлеровцы прилагали большие старания, чтобы крепче привязать к себе итальянского союзника на случай европейской войны. 6 мая в Милан прибыл Риббентроп. Во время встреч с Чиано был рассмотрен проект подготавливаемого германо-итальянского военного договора. 22 мая в Берлине Чиано и Риббентроп подписали военно-политический договор — «Стальной пакт» («Пакт о союзе и дружбе между Италией и Германией»). Этот пакт связал Италию по рукам и ногам и обязал ее вопреки своим национальным интересам выступить в поддержку авантюристических планов Гитлера. К «Стальному пакту» с полным основанием могут быть отнесены слова В. И. Ленина, сказанные им в ноябре 1916 года. Буржуазные правительства, подчеркивал Ленин, «опутаны сетью тайных договоров между собой, со своими союзниками и против своих союзников, причем содержание этих договоров... зависит от всего хода и развития империалистской внешней политики»³⁶. Италия и Германия договорились о взаимной военной помощи в случае войны одной из сторон с какой-нибудь третьей державой или многими державами (ст. 3-я), о полной взаимной политической и дипломатической поддержке (ст. 2-я), о постоянной связи друг с другом по вопросам, затрагивающим интересы обоих партнеров. Согласно статье 4-й, Италия и Германия могли заключать перемирие или мир с третьей стороной в случае совместного ведения войны только по обоюдному согласию. Договор предусматривал расширение экономического и военного сотрудничества двух стран, со-

³³ G. Ciano. Diario. Vol. I. 1939—1940. Roma. 1946, pp. 62, 201; см. также ADAP. Bd. VI, S. 48.

³⁴ См. W. Churchill. The Second World War. Vol. I. L. 1950, pp. 317—318; В. Т. Фоминов. Указ. соч., стр. 510.

³⁵ «Ciano Diaries, 1939—1943», p. 67; E. v. Rintelen. Op. cit., S. 61.

³⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 186—187.

трудничества в области пропаганды и информации (секретный протокол договора)³⁷. В соответствии с договором вскоре были созданы специальные германо-итальянские комиссии по военным и военно-экономическим вопросам. Германская и итальянская официальная пропаганда на все лады превозносила новую эру в германо-итальянских отношениях, эру «вечной дружбы». Но итальянский народ с тревогой следил за продолжавшимся укреплением военно-политических отношений Италии с Германией. «Пакт воспринят гораздо лучше в Германии, чем в Италии»³⁸, — записал Чиано в дневнике. Однако итальянские империалисты были довольны. Для них пакт с Германией означал дальнейший рост военных прибылей. «В дни, когда Муссолини в качестве главы государства подписывал пакт военного союза с Германией, семья Муссолини — Чиано, занимающая господствующее положение в стальной индустрии Италии, справляла фамильный праздник: ее состояние достигло миллиарда лир. Не зря же пакт дружбы с Германией именуется фашистами «стальным» пактом!»³⁹ — писал в 1941 г. П. Тольятти.

Заключение «Стаального пакта» не устранило серьезных германо-итальянских противоречий, прежде всего по вопросу о сроках войны. Когда 23 мая, то есть на следующий день после подписания «Стаального пакта», Гитлер объявил военным руководителям свое решение при первом удобном случае напасть на Польшу, Италия об этом решении не была поставлена в известность. «Наши планы должны храниться в секрете даже от наших союзников Италии и Японии»⁴⁰, — предупреждал Гитлер. Итальянские империалисты считали, что им необходим некоторый срок и значительные поставки военных материалов из Германии для подготовки итальянской армии. Кроме того, союзники существенно расходились в планах нанесения первого удара (Италия высказывалась за войну прежде всего с СССР, Гитлер — с Англией и Францией). 30 мая Муссолини направил Гитлеру меморандум, подготовленный и переданный в Берлин начальником штаба итальянской армии Кавальеро («Меморандум Кавальеро»). В нем речь шла о том: а) что Италия нуждается в трехлетнем мирном периоде (до 1942 г.) для завершения военной подготовки; б) что предстоящая война должна начаться не на Западе, а только на Востоке или Юго-Востоке Европы, причем в условиях, полностью гарантирующих успех державам «оси»; в) что уже в самом начале войны должны быть захвачены страны Дунайского бассейна и Балканского полуострова; г) что Италия поставляет солдат, а Германия снабжает их вооружением⁴¹. Итальянские планы, изложенные в «Меморандуме Кавальеро», шли вразрез с решением германского правительства напасть сначала на Англию и Францию и лишь затем на СССР и страны Юго-Восточной Европы. Стремясь успокоить итальянское правительство, Гитлер сообщил, что он согласен на «нейтралитет» Италии в случае войны (сообщение Аттолико в Рим от 6 июня)⁴². Видимо, фюрер полагал, что

³⁷ «Нюрнбергский процесс». Т. 5, стр. 74; M. Freund. Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten. Bd. II. Freiburg — München. 1955, S. 327.

³⁸ «Ciano Diaries, 1939—1943», p. 86.

³⁹ П. Тольятти. Избранные статьи и речи. Т. I, стр. 217.

⁴⁰ «Нюрнбергский процесс». Т. 2, стр. 343. С середины июля Чиано получал от Аттолико сообщения, что Германия готова развязать войну, что кризис разразится в августе, но не верил им и даже думал отозвать Аттолико за неправильную информацию (Чиано больше верил своему шурину графу Массимо Маджистрати, советнику итальянского посольства в Берлине, в донесениях которого содержались выводы, прямо противоположные тем, к которым пришел Аттолико). Позже, в канун краха третьего рейха, Гитлер объяснял скрытность германской дипломатии по отношению к итальянскому союзнику тем, что Чиано, по его сведениям, неоднократно раскрывал союзнические секреты западным державам («Нюрнбергский процесс». Т. 5, стр. 69).

⁴¹ DDI. Ser. 8. Vol. XII, doc. 59; см. также ADAP. Bd. VI, S. 513; H. H. Haldack. Was wirklich geschah. Die diplomatischen Hintergründe der deutschen Kriegspolitik. München. 1949, S. 394—398.

⁴² M. Freund. Op. cit. Bd. II, S. 365.

независимо от того, какие обещания и заверения будут даны Италии, последнюю все же удастся вовлечь в войну еще до того, как она завершит свою подготовку к ней.

Итальянский империализм также стремился к захватнической войне, и некоторое различие с Германией в тактике объяснялось лишь экономической и военно-политической слабостью фашистской Италии. Финансовое и военное положение страны было настолько шатким, что итальянские правители серьезно опасались потрясения, которое могло бы привести к краху фашистского режима. 2 июня Чиано записал в дневнике: «Гварнери (министр финансов.— А. Г.) говорит открыто о банкротстве и о том, что оно может быть предотвращено только в том случае, если будет положен конец империалистической политике». Через два месяца, 6 августа, он занес в дневник следующие строки после беседы с Муссолини: «Мы обсуждали положение. Мы оба согласны, что нужно найти выход из него. Следуя за Германией, мы придем к войне... Наши золотые резервы свелись почти к нулю, точно так же как наши запасы металлов, а наши автаркические и военные приготовления далеко еще не закончены»⁴³. К началу августа итальянские правители стали все более и более подозревать, что их германский союзник не сегодня-завтра развяжет войну, в которую в соответствии со «Стальным пактом» придется вступить и Италии. Визит Чиано в Германию и его встречи 11, 12 и 13 августа с Риббентропом и Гитлером в Оберзальцберге полностью подтвердили эти опасения. У Чиано сложилось вполне определенное впечатление от встреч с германскими руководителями, а именно: последние твердо решили начать войну, считая момент вполне благоприятным для осуществления своих целей. Переговоры Чиано — Гитлер — Риббентроп чрезвычайно показательны как свидетельство отношений держав «оси» перед войной, тех глубоких империалистических противоречий, которые существовали между ними.

Инструктируя Чиано перед его поездкой в Оберзальцберг, Муссолини высказался против вступления в войну в данное время, поскольку он считал, что вероятность победы в этом случае будет равна лишь 50%, в то время как через три года шансы повысятся до 80%. Муссолини надеялся, что Чиано убедит Гитлера не начинать войны до завершения Итальянских военных приготовлений. «Он поручил мне передать немцам,— записал Чиано 10 августа,—...что мы должны избежать конфликта с Польшей, так как локализовать его не удастся, и что мировая война явится катастрофой для всех. Я полностью согласен с ним и попытаюсь удвоить свои усилия в этом отношении. Но я сомневаюсь в результатах»⁴⁴. Во время бесед с Гитлером и Риббентропом Чиано сразу же был информирован о том, что Германия в ближайшие дни нападет на Польшу и что обстановка вполне благоприятствует державам «оси». Как свидетельствует запись бесед, Гитлер изложил Чиано свою точку зрения на военное положение Германии и западных стран. Он подчеркнул неприступность германских укреплений на Западе, уязвимость Англии с воздуха («вследствие большого радиуса действия новейших германских бомбардировщиков вся Англия находится в сфере досягаемости немецкого воздушного флота», тем более, что «эффективная противовоздушная оборона будет создана в Англии лишь через год или два»), слабость английского военно-морского флота и сухопутных сил, неизбежность — после молниеносного разгрома Польши — поражения Франции («которая вынуждена будет стянуть все свои силы, в том числе и с итальянской границы, на линию Мажино»). Чиано высказал большое сомнение в отношении последнего предположения Гитлера. Перейдя затем к Польше, Гитлер заявил: поскольку Польша всем своим поведением показала,

⁴³ «Ciano Diaries, 1939—1943», pp. 29, 116.

⁴⁴ Ibid., pp. 117—118.

что «при любом конфликте она будет на стороне врагов Германии и Италии, то быстрая ликвидация ее очень желательна ввиду неизбежного конфликта с западными державами. Если враждебная Германия Польша останется ее восточным соседом, это не только свяжет 11 восточных прусских дивизий, но и вызовет необходимость держать значительные контингенты войск в Померании и Силезии. Этого не потребуется в случае предварительной ликвидации Польши». Возвращаясь к данцигскому вопросу, Гитлер заметил, что для него сейчас невозможно отступление. Он еще раз подчеркнул, что балтийские и прибалтийские государства с незапамятных времен были неоспоримой сферой влияния Германии, так же как Средиземное море — сферой влияния Италии. «По экономическим причинам Германия нуждается в продовольствии и в строительном лесу из этих восточных районов»⁴⁵.

Отвечая Гитлеру и Риббентропу, Чиано сослался на то, что решение Германии в ближайшее время напасть на Польшу является для него полной неожиданностью⁴⁶. Он выразил большое удивление по поводу того, что положение оказалось столь серьезным. Ни во время переговоров в Милане (где 6—7 мая 1939 г. Риббентроп встречался с Чиано), ни во время недавнего визита Чиано в Берлин (21—22 мая 1939 г.)⁴⁷, продолжал Чиано, никто с германской стороны не поставил в известность, что положение с Польшей настолько серьезно. Дуче, зная, что конфликт с западными державами неизбежен, рассчитывал все же на возможность подготовки к нему в течение двух или трех лет. Но если нельзя избежать конфликта в ближайшем будущем, то дуче, уверял Чиано, будет, конечно, на стороне Германии. Конфликт с Польшей не ограничится только этой страной и перерастет во всеобщую европейскую войну; в этом случае, продолжал Чиано, Италия окажется в очень трудном положении. Война в Эфиопии и Испании полностью истощила сырьевые запасы страны, и нужно время, чтобы их пополнить; военную промышленность необходимо перевести на юг, так как на севере военные предприятия будут чрезвычайно уязвимы в случае налетов вражеской авиации; артиллерия, особенно МВО, нуждается в модернизации; флот малочислен, сильно протяженная береговая линия не защищена; итальянские укрепления на французской границе в совершенно неудовлетворительном состоянии; особенно уязвима Италия в своих колониях, и т. д. В экономическом отношении Италия вынашивает планы автаркии, но осуществить их удастся лишь через несколько лет. Позиции Японии будут более прочными лишь через два года, после окончания конфликта с Китаем. Потенциальный союзник стран «оси» Испания нуждается в мире после окончания гражданской войны и сможет активно выступить на стороне Германии и Италии также только через два-три года. Однако Гитлер, а днем раньше (11 августа) Риббентроп отвергли все доводы итальянского министра, пытавшегося убедить германскую сторону воздержаться от немедленных действий⁴⁸. Когда Чиано спросил Риббентропа в личной беседе: «Чего вы хотите: Данциг или коридор?», — последний хладнокровно ответил: «Мы хотим войны». Гитлер, в свою очередь, заявил, что «разрешение польской проблемы должно быть произведено немедленно. Нельзя терять времени. Польшу следует поразить с такой

⁴⁵ ADAP. Bd. VII, S. 33—34.

⁴⁶ Гальдер записал в своем дневнике по поводу встречи министров иностранных дел Германии и Италии 11 августа 1939 г.: «Риббентроп—Чиано. Чиано потрясен. Муссолини хочет мира еще на год. Окружение Германии полное. Италия истощена; нет сырья; нехватка вооружения; нет береговых укреплений... Генштаб: соотношение сил Италия—Франция 1:5... Риббентроп: Мы в вас не нуждаемся. — Чиано: Время покажет...». ADAP. Bd. VII, S. 466.

⁴⁷ См. ADAP. Bd. VI, dok. 341, 426; «Ciano Diaries, 1939—1943», pp. 78, 84—85.

⁴⁸ ADAP. Bd. VII, S. 36—37. Гальдер записал 14 августа в своем дневнике: «Анализ реальной обстановки... Италия не заинтересована в большом конфликте, а лишь в исправлениях территориальных владений» (Ibid., S. 462).

силой, чтобы она в течение пятидесяти лет не была в состоянии сражаться». Чиано спросил о сроках разрешения данцигского вопроса. Гитлер ответил, что вопрос этот должен быть разрешен не позднее августа и что, по его глубокому убеждению, Англия и Франция не вмешаются в германо-польскую войну, следовательно, Италии в случае ее вступления в войну нечего опасаться удара со стороны западных держав⁴⁹. В конце беседы Гитлер еще раз остановился на германо-итальянских отношениях. Интересы Германии и Италии, заключил он, имеют совершенно различное направление, и поэтому они никогда не могут столкнуться⁵⁰.

Визит Чиано в Германию вновь подтвердил всю глубину германо-итальянских империалистических противоречий. Сама атмосфера переговоров весьма характерна для резко обострившихся отношений партнеров по «оси» накануне второй мировой войны. «Я подобрал записи моих бесед с Риббентропом и Гитлером на совещании,— записал Чиано 11 августа.— Я укажу на некоторые мои впечатления общего характера. Риббентроп ведет себя уклончиво каждый раз, когда я спрашиваю его о деталях предстоящих действий со стороны Германии. У него не чиста совесть. Он лгал столько раз по поводу намерений Германии в отношении Польши, что сейчас не стесняется делать то же самое при разговорах со мной о своих планах. Воля сражаться непоколебима: Он отклоняет всякое решение вопроса, которое могло бы удовлетворить Германию и предотвратить войну. Я убежден в том, что если бы даже немцам дали все, что они требуют, то они все равно произвели бы нападение, так как они одержимы духом разрушения. Иногда наш разговор принимал напряженный характер. Я не колебался перед тем, чтобы излагать свое мнение в самой резкой форме. Но это, однако, совершенно на него не действовало. Я понимаю, как мало значения имеет в глазах немцев наша точка зрения. В отношениях чувствуется холод... Во время обеда мы не обменялись ни одним словом. Мы не доверяем друг другу»⁵¹. 12 и 13 августа Чиано следующим образом резюмировал итоги бесед с Гитлером: «Он непоколебим и неумолим в своем решении... Все наши аргументы в конечном счете не смогут его остановить... Он высказал высокую похвалу в адрес дуче, но не проявил ни малейшего интереса к моему сообщению о том, что война вызовет резко отрицательную реакцию итальянского народа. Я почувствовал, что немцев очень мало волнует союз с нами,— их интересует лишь то, что враг должен будет держать определенное количество дивизий против нас, что облегчит положение на германском фронте. Больше их ничего не беспокоит. Судьба, которая может ожидать нас, им безразлична. Они знают, что осуществят свои планы скорее, нежели мы свои... Я не знаю, что лучше — желать ли победы Италии или поражения Германии»⁵². Получив от Чиано информацию о содержании бесед с Гитлером и Риббентропом в Оберзальцберге, Муссолини пришел в смятение. Он колебался. Он страшился в это время войны, был оскорблен невниманием Гитлера к его мнению, но считал себя связанным с Германией. «У меня,— записал Чиано 14 августа,— больше нет сомнений в отношении немцев. Завтра они разделяются с Венгрией, а затем с нами. Мы должны что-то предпринять, пока не

⁴⁹ См. ADAP. Bd. VII, S. 44—45. Чиано записал в дневнике: «Они были убеждены, что Франция и Великобритания невозмутимо будут смотреть на уничтожение Польши. Об этом Риббентроп хотел даже держать со мной пари: ...если англичане и французы останутся нейтральными, то я должен подарить ему итальянскую картину, в случае же их вступления в войну он обещал мне коллекцию старинного оружия». См. Я. Бахо. Что происходило за кулисами. М. 1965, стр. 128; А. И. Полторака. Нюрнбергский эпилог. М. 1965, стр. 284—285.

⁵⁰ ADAP. Bd. VII, S. 45; DDI. Ser. 8. Vol. XIII, doc. 21.

⁵¹ «Ciano Diaries, 1939—1943», pp. 118—119.

⁵² Ibid., pp. 119—120.

поздно». 15 августа на совещании Муссолини и Чиано было решено «освободиться благородным образом от Германии», если Англия и Франция нападут, если же на захват Германией Данцига ответного удара со стороны западных держав не последует, извлечь выгоду: захватить Хорватию, «раз и навсегда рассчитавшись с Белградом»⁵³.

Отношения между Германией и Италией все меньше и меньше напоминали в это время отношения союзников. 19 августа в замке Фушль, в Зальцбурге, итальянский посол встретился с Риббентропом, чтобы перед своим отъездом в Италию еще раз обсудить международное положение и попытаться выяснить намерения германской стороны. Генерал Гальдер так резюмировал итоги этой встречи: «Высказываются очень откровенно. Италия не начнет войну вместе с нами. Следствие — значительное озлобление. Аттолико возвращается в Рим»⁵⁴. 20 августа вернувшийся в Рим посол проинформировал дуче о германских военных планах (Германия нападет на Польшу самое позднее в конце августа). На совещании с участием Муссолини, Чиано и Аттолико, которое состоялось в тот же день, было решено: порывать с Германией слишком поздно, но немцев нужно еще раз предупредить, что Италия не готова к войне и не примет в ней участия. На совещании было сказано также, что итальянская точка зрения по вопросу о позиции западных держав в случае войны отличается от немецкой. В Берлине считают, что Англия и Франция не вмешаются в конфликт. В Риме, напротив, убеждены, что обе страны вступят в войну, а через несколько месяцев к ним присоединятся и США. Участники совещания пришли к выводу, что Германия, намереваясь развязать войну, действует исходя только из собственных интересов, не учитывая интересов итальянского союзника, и надеется, что итальянский партнер будет послушно следовать за Гитлером. Немцам необходимо еще раз напомнить, что союз основан на полном равноправии сторон, то есть решение начать войну должно быть результатом обоюдного согласия. Однако Берлин, по-видимому, рассматривает союз в том плане, что директивы в отношении проведения германо-итальянской политики исходят от Вильгельмштрассе, а Рим должен их лишь выполнять. Участники совещания пришли к выводу, что Чиано должен вновь поехать в Германию и дать немцам ясно понять, что Италия сейчас не может и не будет воевать (передайте немцам, напутствовал дуче Чиано: «друзья и союзники — да, рабы — нет»)⁵⁵. Но когда Чиано 21 августа связался по телефону с Риббентропом, тот ответил, что ничего не может сказать о возможности встречи на Бреннере, так как ожидает важное сообщение из Москвы⁵⁶. О том, что немцы в эти дни готовили поездку Риббентропа в Москву с целью подписания германо-советского пакта о ненападении, итальянцы, конечно, ничего не знали.

21 августа министерство иностранных дел Италии составило специальную записку о разногласиях между правительствами Италии и Германии во взглядах на предстоящую войну. Германо-итальянский союз, говорилось в ней, основан на том, что война будет начата не ранее чем через два-три года. В период заключения союза отмечалось, что вопрос о войне будет обсужден совместно, однако только несколько дней назад в Оберзальцберге Риббентроп сообщил Чиано о решении Германии начать войну. В записке выражалось опасение, что в случае вступления Италии в войну англо-французский флот нанесет ей свой основной удар. В связи с этим итальянское правительство, поддерживая план локальной германо-польской войны, отказывалось принять участие в европейской войне⁵⁷. Одновременно с запиской МИД о германо-италь-

⁵³ Ibid., pp. 120—121, 123.

⁵⁴ ADAP. Bd. VII, S. 467; см. также S. 113 (dok. 126, прим. 4).

⁵⁵ ADAP. Bd. VII, S. 201—204; DDI. Ser. 8. Vol. VIII (прил. 1, часть 2-я).

⁵⁶ «Ciano Diaries, 1939—1943», pp. 124—125.

⁵⁷ DDI. Ser. 8. Vol. XIII, doc. 102, 108, 116, 140; ADAP. Bd. VII, S. 134.

яских разногласиях Муссолини составил письмо Гитлеру, в котором сообщал, что Чиано поручено прибыть в Германию и изложить германскому руководству итальянскую точку зрения на перспективы войны и участия в ней Италии. Весь день 22 августа из Рима пытались связаться по телефону с Риббентропом, но там отвечали, что его нет дома. Итальянцы догадывались, что гитлеровцы ведут за их спиной большую игру. После очередной неудачной попытки связаться с Риббентропом Чиано в ярости стукнул кулаком по столу и крикнул: «Никогда мы не будем участвовать в войне на стороне этого негодяя!»⁵⁸. Когда связь все же была налажена, Риббентроп сообщил, что он выезжает в Москву для подписания политического пакта. Сообщение оказалось для Рима совершенно неожиданным. «Немцы нанесли мастерский удар»⁵⁹, — признавался Чиано.

Приняв решение выждать и в случае кризиса встать на сторону сильнейшего, итальянские правители повели себя соответствующим образом в отношении Англии и Франции, заверяя послов этих государств в Риме в своей благожелательной позиции. 23 августа Муссолини уполномочил Чиано предложить английскому послу план сделки за счет Польши: передача Данцига Германии, после чего мирная конференция. Муссолини рассчитывал на новый Мюнхен и надеялся, выступив как посредник, создать Германии более благоприятную обстановку для нанесения удара и заодно получить при этом свою «долю». Однако гитлеровцев в это время уже не интересовали уступки со стороны западных держав и соответственно посредничество дуче. Они твердо решили воевать, тем более что, как стало ясно во второй половине августа, Англия и Франция, поддержанные США, делали все, чтобы сорвать англо-франко-советские переговоры в Москве по политическим и военным вопросам. Эти переговоры показали, что западные державы не хотели заключать договор о взаимопомощи с СССР и готовились к сговору с Германией. Срыв правительствами Англии и Франции московских переговоров имел роковые последствия для судеб мира. Как пишет Кордт, бывший крупный чиновник германского МИД, Гитлер признавался в тесном кругу своих приближенных, что если между западными державами и Советским Союзом действительно состоится соглашение, то он отложит нападение на Польшу⁶⁰.

22 августа в Оберзальцберге на совещании с участием главнокомандующих Гитлер дал последние указания о подготовке к войне с западными державами и подчеркнул необходимость предварительно, за короткий срок, разгромить Польшу. Он ссылаясь при этом на ряд стимулирующих факторов: наличие в Германии и Италии фашистских режимов, во главе которых стоят такие «сильные личности», как он сам, Гитлер, и дуче («таких выдающихся личностей нет ни в Англии, ни во Франции»); тяжелое экономическое положение Германии («наша экономическая ситуация ввиду наших ограничений такова, что мы сможем продержаться лишь несколько лет»); благоприятная политическая ситуация (на Средиземном море — соперничество между Италией, Англией и Францией; ухудшение положения в Британской империи и во Франции, которые в случае войны осуществят самое большое блокаду Германии, но не нападут на рейх). «Наши враги — всего лишь убогие черви. Я видел их в Мюнхене, — подчеркнул Гитлер. — Они слишком трусливы, чтобы предпринять военные действия. Они не пойдут дальше установления блокады... Единственно, чего я боюсь, — это приезда ко мне Чемберлена или какой-либо другой свињи с предложением изменить мои решения. Но

⁵⁸ M. Donosti. Op. cit., p. 209; E. Kordt. Wahn und Wirklichkeit. Stuttgart. 1947, S. 172.

⁵⁹ «Ciano Diaries, 1939—1943», pp. 125—126.

⁶⁰ E. Kordt. Op. cit., S. 168.

он будет спущен с лестницы, даже если мне самому придется дать ему ногой в брюхо на глазах фотокорреспондентов». Присутствующие с восторгом встретили слова Гитлера, а Геринг на радостях даже вскочил на стол. Если война и начнется на Западе, продолжал Гитлер, то основной целью останется разгром Польши. «Никакой жалости,— напутствовал Гитлер своих военачальников.— Жестокость... Полный разгром Польши является военной целью... Преследовать до полного уничтожения». Начало атаки на Польшу — 26 августа⁶¹.

23 августа СССР, убедившись в невозможности заключить с Англией и Францией пакт о взаимопомощи, а также военную конвенцию, был вынужден принять германское предложение и подписать пакт о ненападении (таким образом, Советский Союз избежал ловушки, в которую его хотели завлечь творцы мюнхенской политики, мечтавшие о том, чтобы столкнуть СССР и Германию). Это был дальновидный шаг советской внешней политики, продливший мир для нашей страны и позволивший лучше подготовиться к отпору агрессии. Итальянское правительство, узнав о заключении Германией договора с СССР, было возмущено «коварством» союзника. Как сообщал из Рима Маккензен, в связи с подписанием советско-германского пакта государственный секретарь Италии выразил «глубокое чувство обиды, вызванное третированием Италии со стороны Германии, которое испытывают итальянцы, особенно те, кто был убежден в общности судеб Германии и Италии»⁶². Муссолини опасался, что этот договор даст возможность Германии сосредоточить все силы на агрессии как раз в тех районах Европы (особенно Юго-Восточная Европа, Балканы), которые дуче считал сферой интересов Италии. Английский посол в Риме сообщил 23 августа в Лондон: «Теперь я убежден, что Италия не присоединится к Германии, если Гитлер начнет войну»⁶³. Японский союзник Германии также встретил сообщение о советско-германском пакте как явную измену Германии своим обязательствам по «антикоминтерновскому пакту», как удар по идее германо-итало-японского антисоветского военного союза⁶⁴.

25 августа Маккензен передал Муссолини личное послание Гитлера, в котором говорилось, что 26 августа, в 4 часа 30 минут, Германия начнет военные действия против Польши⁶⁵. В тот же день Гитлер получил ответное письмо Муссолини. Последний подчеркивал, что в соответствии с итало-германским договором война должна начаться в 1941—1942 гг., а сейчас Италия не может вступить в нее, не получив крупных поставок военных материалов из Германии. В случае войны, писал Муссолини, Италия займет следующую позицию: «Если Германия атакует Польшу и конфликт останется локализованным, Италия предоставит Германии политическую и экономическую помощь в той форме, в какой это требуется. Если нападет Польша, а ее союзники предпримут наступление против Германии, то в этом случае,— указывал Муссолини,— я должен вас заранее поставить в известность, что не возьму на себя инициативу военных приготовлений, о которых мы неоднократно и своевременно сообщали вам, фюрер, и Риббентропу. Наше вмешательство все же может незамедлительно состояться, если Германия срочно поставит военные материалы и сырье, чтобы Италия смогла выдержать блокаду, которая последует против нее преимущественно со стороны французов и англичан. Во время нашей встречи война была предусмотрена на 1942 г., и

⁶¹ ADAP. Bd. VII. S. 167—172, 468—469; «Нюрнбергский процесс». Т. 1, стр. 627—631; «Nazi Conspiracy and Agression». Vol. VII. Washington. 1946, p. 753.

⁶² «Documents on German Foreign Policy, 1918—1945. Series «D» (далее DGFP). Vol. VIII. L. 1950, doc. 24.

⁶³ DGFP. Vol. VII. L. 1956, doc. 173.

⁶⁴ ADAP. Bd. VII, S. 161, 162, 188, 217, 232, 279—280.

⁶⁵ «Nazi-Soviet Relations, 1939—1941». Washington. 1948, pp. 80—82.

к этому периоду я был бы готов и на земле, и на море, и в воздухе»⁶⁶. «Для меня,— писал Муссолини,— это один из мучительнейших периодов моей жизни, ибо я должен вам сообщить: Италия не готова к войне»⁶⁷.

25 августа немцы узнали о подписании англо-польского договора о взаимопомощи (английские гарантии были даны Польше 31 марта 1939 г.). Риббентроп на Нюрнбергском процессе так рассказывал о событиях тех дней: «Когда я узнал о подписании англо-польского договора, я пошел к фюреру и, услышав, что военные мероприятия против Польши начаты, просил его приостановить их и отменить выступление. Фюрер согласился». Геринг, в свою очередь, сообщил, что когда фюрер вызвал его 25 августа и сказал, что вторжение в Польшу отменяется, он спросил: «Временно или вообще?» Гитлер ответил: «Нет, я должен только посмотреть, сможем ли мы устранить английское вмешательство»⁶⁸. После отмены приказа о наступлении Гитлер направил Муссолини новое письмо, в котором запрашивал, какие военные материалы необходимы Италии для того, чтобы она смогла вступить в войну⁶⁹. Утром 26 августа в Берлине был получен ответ. Итальянское правительство, по видимому, сознательно, составило нереальный список; оно требовало поставить Италии 17 млн. т стратегического сырья и военных материалов, для перевозки которых понадобилось бы 17 тыс. поездов. Речь шла о поставках 6 млн. т угля, 2 млн. т стали, 7 млн. т нефти, значительного количества молибдена, меди и других материалов, 150 зенитных батарей с боеприпасами к ним. Этот длинный перечень, по словам Чиано, «убил бы быка, если бы он мог читать»⁷⁰. Итальянцы прекрасно понимали, что немцы не смогут выполнить их требования (тем более, что, передавая в германское министерство иностранных дел список необходимых Италии материалов, Аттолико не моргнув глазом заявил в ответ на вопрос германских чиновников о сроках поставок: все это должно быть передано «немедленно!»). Нейтралитет Италии был обеспечен, о чем Чиано уже накануне вечером доверительно сообщил британскому послу⁷¹. 26 августа в ставке Гитлера обсуждались эти явно завышенные требования; было принято решение частично удовлетворить их. В письме Гитлера от 26 августа говорилось, что Германия может поставить уголь и сталь, но отказывается в нефти и меди. Вместо 150 батарей она соглашалась дать только 30 с германской прислужкой. Вместе с тем Гитлер просил Италию сохранить в случае войны дружественную по отношению к Германии позицию и уверял Муссолини, что он расправится с Польшей и разгромит Францию и Англию собственными силами⁷². Понимая, что Германии не удастся в данное время вовлечь Италию в войну на своей стороне (Англия обещала в случае нейтралитета Италии также не выступать против нее), Гитлер в новом письме Муссолини — 27 августа — вынужден был согласиться на то, что Италия не вступит в войну немедленно, и лишь просил его, чтобы Италия не объявляла о своем решении остаться нейтральной до тех пор, пока в этом не возникнет абсолютная необходимость, а также провела ряд демонстративных мер в Средиземном море, которые могли бы сковать военные силы Англии и Франции⁷³. Гальдер записал в своем дневнике: «28 августа. По имеющимся данным, Италия согласна на предложение фюрера со-

⁶⁶ DDI. Ser. 8. Vol. XIII, pp. 155—156; ADAP. Bd. VII, S. 238—239.

⁶⁷ «Nazi-Soviet Relations, 1939—1941», pp. 80—82.

⁶⁸ См. H. H o l l d a c k. Op. cit., p. 150; «Нюрнбергский процесс». Т. II, стр. 416.

⁶⁹ ADAP. Bd. VII, S. 242; DDI. Ser. 8. Vol. XIII, doc. 262.

⁷⁰ DDI. Ser. VIII. Vol. XIII, doc. 293; ADAP. Bd. VII, S. 258—259; «Ciano Diaries, 1939—1943», p. 129.

⁷¹ H. H o l l d a c k. Op. cit., p. 181; R. R a h n. Op. cit., S. 138.

⁷² ADAP. Bd. VII, S. 262—263; DDI. Ser. 8. Vol. XIII, pp. 192—193.

⁷³ ADAP. Bd. VII, S. 289—290.

действовать Германии (сковывать, играть роль большого вопросительного знака)»⁷⁴.

В эти последние дни августа итальянская дипломатия при всяком удобном случае давала понять западным странам, что в германо-польской войне Италия будет на стороне Германии, и тем самым скрывала подлинные цели итальянской внешней политики. Так, 27 августа в беседе с Боннэ итальянский посол в Париже Гварилья заявил: «С точки зрения Италии, вступление Франции в войну против Германии, на стороне Польши — войну, в которой позиция Италии не может вызывать сомнений, — явится самоубийством. В такой войне Польша... неизбежно исчезнет с географической карты. Обоснованность немецких требований бесспорна, — подчеркнул Гварилья, — и Франция обязана воздействовать на Польшу, которая должна принести необходимую жертву в интересах сохранения мира». Боннэ, со своей стороны, подтвердил, что французское правительство продолжает оказывать на Польшу давление в том смысле, чтобы удержать последнюю от любого провокационного шага в отношении Германии⁷⁵. Муссолини, отметил Чиано, находился в состоянии сумятицы, принимая одно за другим прямо противоположные решения о позиции Италии на случай войны. Решение дуче сохранить нейтралитет в назревавшем в Европе военном конфликте было принято после долгих колебаний. Муссолини раздирали противоречивые чувства: боясь упустить удачный момент, он бредил армиями и сражениями; опасаясь недовольства Гитлера, был готов выступить немедленно. С другой стороны, он знал, что армия находилась в жалком состоянии, что вооружение ее устарело, офицерские кадры плохо подготовлены; итальянский народ не скрывал своего недовольства перспективой вовлечения в войну из-за союза с Германией. Впоследствии, на Нюрнбергском процессе, Риббентроп признавался, что Италию гитлеровцы всегда считали неустойчивым партнером, которого надо было держать в повиновении⁷⁶.

В эти дни Муссолини вновь начал думать о возможности оттянуть войну с помощью «нового Мюнхена». Но после 27 августа ему никак не удавалось выполнить свой план посредничества в англо-германских переговорах, которые начались через Далеруса. Случай представился позднее, а именно 31 августа, после известной беседы Риббентропа с Гендерсоном, когда английскому послу было передано содержание германского ультиматума Польше (известные «16 пунктов»). 31 августа Чиано связался по телефону с Галифаксом и сообщил, что Италия может выступить посредником в германо-польском конфликте, но только в том случае, если дуче сможет обещать Гитлеру «жирный куш — Данциг. С пустыми руками он не в состоянии что-либо сделать». Галифакс попросил Чиано, чтобы Муссолини «оказал давление на Берлин с целью устранить некоторые процедурные трудности и установить непосредственный контакт между Германией и Польшей»⁷⁷. В полдень Чиано сообщил английскому и французскому послам, что Муссолини предлагает собрать 5 сентября конференцию держав для пересмотра статей Версальского мирного договора, «которые являются причиной настоящих волнений». Во время беседы с британским послом Перси Лореном Чиано в нарушение данного Муссолини Гитлеру обещания не сообщать до последнего момента о решении Италии не вступать в войну все же пошел на этот шаг измены «союзнической верности». «Я предложил, — написал Чиано 31 августа, — чтобы мы вызвали Перси Лорена, и я открою ему тайну... Дуче согласился. Прибыл Перси Лорен, которому... я сказал:

⁷⁴ Ibid., S. 271, 475.

⁷⁵ См. DDI. Ser. 8. Vol. XIII. doc. 312, 313; ADAP. Bd. VII, doc. 351, S. 296.

⁷⁶ «Нюрнбергский процесс». Т. 5, стр. 72.

⁷⁷ «Ciano Diaries, 1939—1943». p. 134.

«Но почему вы хотите начать непоправимое? Неужели вы не понимаете, что мы никогда не начнем войны против вас и французов?» Перси Лорен... вытаращил глаза. Он взял мои руки в свои и сказал: «Я знал об этом еще 15 дней назад. И я телеграфировал об этом моему правительству. События последних дней поколебали мое доверие. Но сегодня ночью я был счастлив прибыть в Палаццо Венеция». Французское правительство решило выждать и рассмотреть итальянское предложение о созыве конференции только в том случае, если прямые польско-германские переговоры окончатся провалом⁷⁸. Но Гитлер решил, что теперь ему уже не нужно продолжать дипломатическую игру в переговоры. В тот же день, 31 августа, в беседе с Аттолико он заявил, что необходимость в посредничестве дуче и прямых германо-польских переговорах отпала.

То, что время переговоров действительно прошло, подтвердили события. 1 сентября, в 4 часа 45 минут, германские войска напали на Польшу. Началась вторая мировая война, в которую Италия вступила летом 1940 года. В ходе войны германский и итальянский агрессоры шли вместе до тех пор, пока успех сопутствовал их захватническим планам. По мере ослабления сильнейшего из двух союзников — империалистической Германии, которая после нападения на СССР и периода удач стала испытывать на себе всю силу и мощь ответных ударов Советских Вооруженных Сил, — германо-итальянский союз стал трещать по всем швам и наконец в 1943 г. совсем прекратил свое существование. Под влиянием успехов СССР, всех стран антигитлеровской коалиции, усиления движения Сопротивления в самой Италии народные массы страны свергли правительство Муссолини. Италия первой среди стран фашистского лагеря прекратила войну. Вскоре она объявила войну гитлеровской Германии. Свержение кровавого режима Муссолини положило конец союзу Италии с Германией, в который обе страны были втянуты их преступными правителями.

⁷⁸ Ibid., p. 135.